

ВЕНЕРА — МОСКВА — ЮПИТЕР

КОСМИЧЕСКИЙ ГОНЩИК

КНИГА 4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НИКМОНК

18+

Ник Монк

**Венера-Москва-Юпитер. Книга
четвёртая: Космический гонщик**

«Автор»

2026

Монк Н.

Венера-Москва-Юпитер. Книга четвёртая: Космический гонщик /
Н. Монк — «Автор», 2026

Может показаться, что советский парень освоился и готов честно заработать имя и кусок хлеба. Но и на этот раз правила меняются прямо по ходу гонки. Для человека, который живёт под чужим именем, нет ничего постоянного — даже друзей. Любая собственность, даже корабль, — иллюзия. Зато шлейф судебных исков, опасных секретов и неземных тайн, о которых лучше не спрашивать даже самого себя, всецело твой. Они-то на имя не смотрят. Чтобы стать космическим гонщиком, достаточно первым прийти к финишу. Чтобы выйти в космос и не умереть, придётся понять, ради чего ты летишь.

© Монк Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ник Монк

Венера-Москва-Юпитер. Книга четвёртая: Космический гонщик

Пролог

Крышка отщёлкнулась и с мягким шипением сдвинулась к изголовью, открывая сухое жилистое женское тело на дне каменного саркофага. Гель приобрёл текучесть и быстро всосался в стенки, обнажая стройную фигуру. На внешних гранях мраморного куба вспыхнули круглые геммы с изображением человеческого лица в центре змеиного клубка — вспыхнули и погасли. Веки женщины дрогнули и с усилием разорвали липкую плёнку влаги, оставшейся на ресницах.

Помещение медицинского центра было погружено в туманный полумрак, но оборудование постепенно оживало, активируя интерфейсы. Мягкая подсветка неспешно выхватывала из небытия сложную аппаратуру и два саркофага поменьше, стоявших рядом с главным постаментом. На нём медленно распрямилась бледная тень. С её волос и кончиков пальцев срывались редкие капли физиологического геля, стекая по плоскому животу и узким бёдрам. В помещении царила тишина, и никто не спешил на помощь. Вокруг распространился тяжёлый сладковатый мускусный запах.

Женщина махнула рукой в направлении самого большого агрегата, в котором угадывался управляющий процессор, и помещение наполнилось мягким светом. Голое тело тяжело перевалилось через край саркофага и надолго замерло на каменном полу. Собравшись с силами, одними губами она произнесла какую-то команду, и в комнату зашли два андроида. Они бережно подняли хозяйку и уложили на простое ложе, застеленное белым покрывалом, омыли её тело и застыли рядом, держа на вытянутых руках серебристое облачение для госпожи.

Жизнь мучительно возвращалась в фарфоровую куклу, на которую волнами накатывали затяжные судороги. Она то и дело пыталась вздохнуть и вновь содрогалась от удушья. Веки чувственно трепетали и тут же распахивались, обнажая закатившиеся зрачки. Никто не шелохнулся и не произнёс ни слова. Никто не притронулся к ней и не утёр пот с лица, когда тело охватывал жар. Она прошла этот долгий путь одна.

Под красивым телом натекла лужа. Когда дыхание выровнялось, красивые юноши-андроиды повторно омыли тело госпожи, помогли ей подняться и облачиться в длинное платье. Последним был подан поднос, на котором среди многочисленных украшений лежали два тяжёлых браслета и длинные, острые как кинжалы заколки.

Завершив облачение, женщина подошла по очереди к обоим маленьким саркофагам, и её лицо дрогнуло. Трудно было понять, что оно выражало в этот момент. На дне в лужах слизи плавали остатки биомассы двух девушек-помощниц, так тщательно отобранных и воспитанных ею. Их биорезонанс она несколько лет доводила до нужного уровня и, как только он достиг 98%, поспешила начать. А зря поспешила. Прежде надо было закончить неотложные дела. Теперь же процесс регенерации был прерван, а доноры безвозвратно утрачены. Экстренное пробуждение было не только болезненным, но и разрушительным для формирования нового энергетического ядра. Несколько лет её тело будут терзать фантомные боли, и даже применение простейших навыков потребует мучительной концентрации. У этого должна быть веская причина, и эта причина будет жестоко уничтожена.

В голове всплыло имя Тэнлю. Так про себя называл её новый слуга. Имя ей нравилось. Особенно ей нравился почти мистический трепет, который этот сильный и целеустремлённый человек испытывал рядом с ней. Теперь ей придётся сродниться с этим образом. До следующей процедуры регенерации она будет вынуждена носить под одеждой криогенный костюм, снижающий интенсивность боли.

Слуги-андроиды подвели левитирующее кресло и нежно усадили госпожу. Диафрагма двери открылась, пропуская процессию в коридор, к лифтам. Предстояло разобраться с причиной срабатывания аварийного протокола. У дверей координационного зала слуги остались в коридоре. Женщина постепенно приходила в себя. Хотя в ней и бурлил коктейль стимуляторов, необходимых при принудительном прерывании процедуры, стабилизация организма потребует ещё не одну неделю.

Центральный координационный зал встретил главного оператора мерцанием защитных коконов над модулями системы, расположенными вдоль круглой стены. Когда активация завершилась и защитное поле погасло, в гулком помещении раздались низкочастотные аккорды неведомой мелодии. Хозяйка встрепенулась от этих звуков и остановила своё кресло перед тёмным мегалитом — каменной глыбой, возвышающейся у дальней стены. На причудливо изогнутых гранях каменной основы располагались кристаллы, оплетённые белыми металлическими нитями. Женщина положила руки на чёрную панель, которая тут же засветилась тусклым серым светом, а потом сместилась, открывая глубокую нишу.

Отныне она решила называть себя Тэнлю. Опустив руки в нишу, Тэнлю извлекла тяжёлый обруч из белого металла. Повинуясь лёгкому нажатию, над обручем раскрылась тонкая сетка пересекающихся дуг. Очень аккуратно она надела конструкцию на голову и замерла напротив мегалита. Перед ней развернулся целый мир ярких образов и сложных символов.

Над Тихим океаном бушевал шторм. Космопорт атолла Вест-Пойнт отменил ближайшие старты. Буря пришла на несколько часов раньше прогноза. Огромный шар Небесного дворца, который служащие космодрома любили наблюдать по вечерам в лучах закатного солнца, скрылся в пелене дождя. Они привыкли к тому, что он годами висел неподвижно, и очень удивились, когда радиомаяки зафиксировали доплеровский сдвиг, а затем над космодромом нависла огромная туша гравитационной платформы.

Женщина откинулась на спинку кресла. Тело непривычно болело и отвлекало. Ещё этот так некстати разразившийся шторм. Эскадрилья «Ночных фурий» прибудет теперь только к утру, чтобы расчистить окно взлёта. Тэнлю предстояло ждать не меньше десяти часов. На орбите Земли сработал Гиперкам клады¹, за которую она отвечала.

¹ **Клады** (мн.ч. — Клады) — 19 основных мутационных кластеров в хромосоме. Порядок букв (от А до Т) отражает последовательность возникновения мутаций. Клады разветвляются на гаплогруппы, которые нумеруются цифрами и буквами.

Глава 1

Я вытер испачканные руки и бережно опустил росток зелёного лука в почвозаменитель. Угнездив его, я полюбовался делами рук своих. Грядка зеленела стройными хвостиками хрустящего лучка. Дней через десять будет шикарный салат с редиской, которая пока тоже ждала своей очереди.

«Кай, подавай смесь и выводи следующую» — говорить вслух не хотелось. Тишина, царившая на борту «Ийона», казалась священной и защищала меня от реальности лучше адвокатов. Круговерть последних дней неожиданно сделала из меня садовода. Прямые обвинения были сняты, но в судебном производстве оставались ещё десятки дел, по которым я проходил свидетелем или фигурантом, а мой зыбкий статус в любой момент мог смениться на статус подозреваемого. Думать об этом не хотелось.

Луковый ярус медленно уполз вверх, оставив лёгкий аромат питательной смеси, впитывавшейся в ионитные волокна подложки. Передо мной встали пустые кюветы, а рембот из-под правой руки протянул открытый контейнер с планками семян капусты. Эта работа успокаивала, и, хотя её полностью можно было доверить роботам, я с удовольствием взялся за организацию оранжереи — всё равно выходить из ангара по-прежнему было нельзя, а до вылета на турнир оставался ещё день-два.

У Димитроса нашлась очень удачная модификация гидропонного комплекса «Вита-цикл», и я заказал сразу два модуля. Кают-компания была завалена коробками и упаковочным материалом, а под потолком поблескивала новенькая полимерная плёнка с цериевой наносеткой, где я планировал пустить виноградную лозу. Второй модуль встал вдоль стены за спинкой дивана. С ним я сейчас и возился.

Монотонная работа требовала внимания и сосредоточенности, а голова продолжала думать. Я очень ценил такие состояния, когда мысли текут сами собой и спустя какое-то время без твоего участия в голове рождается какая-то идея или вопрос. Как правило, такая мысль не лежит на поверхности и не всегда очевидна, но внезапно оказывается по-настоящему важной. Вот и в этот раз я втайне надеялся получить сюрприз от своего сознания, загнанного в угол процессуальной казуистики.

На днях к юристам добавились бухгалтеры и налоговый агент. Спасибо приятелю Фрица — моему юристу Кристоферу Сантане. Две команды милых дам бальзаковского возраста принялись разбирать все банковские переводы и сводить баланс. За несколько дней оборот по счёту перевалил за несколько сотен миллионов е-коинов, что сразу сделало меня для банков премиальным клиентом.

На самом деле эти деньги не имели ко мне никакого отношения. По счёту летали страховые депозиты и списания арестованных средств по решениям судов первой инстанции, а те же суммы тут же блокировались под встречные иски или апелляции. Даже приятный бонус от банков, предложивших начислять небольшой процент по остаткам на моих счетах, не помог мне преодолеть чувство внутреннего протеста.

До вчерашнего вечера ни я, ни Кай не знали, что можно материться биоэнергетическим шёпотом громче, чем в боцманский рупор на древнем сухогрузе. Сегодня даже немного стыдно было об этом вспоминать, но моё терпение реально лопнуло, когда после ужина по моему счёту пришло больше сотни новых исполнительных листов.

Я никак не мог повлиять на происходящее и был заложником системы. Оставалось только надеяться, что удастся свести концы с концами и покрыть расходы на юристов и бухгалтеров. В конце концов Кай попробовал меня успокоить и взял бухгалтерию под свой контроль, пообещав докладывать мне только ключевые вопросы, требующие моего вмешательства. Я был

искренне благодарен своему персональному искину за такую трогательную заботу, не свойственную этой обычно язвительной Занозе, но даже его помощь не позволила избавиться от назойливых мыслей и бесконечной вереницы цифр перед глазами.

С тихим щелчком последняя пластинка с семенами заняла своё место, и диспенсер выдавил по капельке питательной смеси. Повинуясь бэш-команде, агрегат провернулся и подал следующий ярус, предназначенный уже для посадки корнеплодов. Рембот протянул рассаду редиски.

Фриц всё ещё не вернулся. Вчера мы с Хельгой и Крисом тренировались до глубокой ночи, пока Марта не отправила нас отдыхать. Она тактично выгнала ребят из моего ангара и пообещала до обеда меня не беспокоить. Для участия в вирт-турнире мы неплохо подготовились, тем более что задачи показать максимум перед нами не стояло. Как бы ни была прокачана вирт-реальность, в реальном полёте космос всё равно заставит тебя удивиться. Да и светить реальные параметры кораблей попросту было нельзя.

Номинации в вирт-турнире «Дорога к Гекате» были такими же, как и в основных гонках «Кубка Лунной Траектории», который состоится в декабре, через три месяца. На Кубке Хельга была заявлена в двух из трёх номинаций: «Наименьшее время в пути» и «Масс-старт». Для реальных гонок Кубка мы готовили скоростной и высокоманёвренный «Рой» с квантовым ускорителем, получивший с подачи Криса имя «Ромео». Уж очень Хельга была к нему неравнодушна, не уступая в этом верной Джульетте. Крис с Хельгой подвергли поисково-спасательную модель «космической скорой помощи» глубокой модернизации, и теперь корабль выдавал очень приличную динамику, в том числе за счёт гелевой среды погружения пилота.

Я на своём «Ийоне» планировал участвовать в престижном навигационном зачёте в номинации «Кратчайший путь» среди тяжёлых без квантовых ускорителей. В командной заявке я одновременно числился дублирующим пилотом и был готов подменить Хельгу по первому требованию Фрица. Многодневные тренировки на вирт-тренажёре позволили набрать хорошую форму и неплохо освоиться на новом корабле. Мы с Каем разработали конфигурацию настроек для «Ромео», которую можно было установить за считанные минуты, но пока Хельге и Крису я её не показывал. В разговорах эта тема считалась табу — мы старались даже не допускать намёка о возможной замене.

Всё должно было решиться в масс-старте. Хельга умудрилась поспорить с двумя самыми неприятными пилотами «Ночных фурий», что обойдёт их в гонках. Глупый детский спор, тем более что наёмницы не упустили шанс заарканить талантливую девочку на пожизненный контракт в «фуриях» в случае проигрыша. Чтобы племяннице Фрица не попасть в форменное рабство, наша команда в масс-старте должна прийти, по самым скромным оценкам, на пятом-седьмом месте, а лучше в числе призёров.

От «фурий» выступали Грета — «Кукла» и Симона — «Печаль» на американских «Барракудах». Обе были опытными пилотами, а новые модели штурмовых «Барракуд» с квантовым приводом могли поспорить с советскими кораблями быстрого реагирования «Молния». Серьёзные противники, и шансов обогнать их у Хельги было объективно мало.

Хельга в глубине души это чувствовала и боялась. Я видел её пилотирование. Отчаянно смелое, но столь же безрассудное. И видел её неуверенность. Тщательно скрывааемые ревность и унижение от осознания, что Фриц нанял меня спасти её от незавидной участи, находили выход в мрачном упрямстве, с которым она доводила корабль до грани технического безрассудства ради скорости. Ничего не оставалось, кроме как наблюдать и терпеть. И сейчас я хотел избавиться от этих мыслей не меньше, чем от судебной и бухгалтерской вакханалии.

На вечер была назначена очередная спарринг-тренировка, в которой мне предстояло вести орбитальный перехватчик «Акула», разработанный для американской звёздной программы и стоящий на вооружении «Ночных фурий». Опасная и вёрткая машина, способная одновременно отбиться от десяти-пятнадцати торпед.

Я подцепил пинцетом очередную рассаду и закопал корешки между питательными волокнами войлочного грунта из ионообменных смол. Постарался закопать вместе с этим корешком все плохие мысли и дурное настроение, но тут же одёрнул себя. Так недолго и весь урожай загубить. Растения чувствуют энергию сада. Надо выдохнуть и думать позитивно!

«Так-то мы неплохо подготовились к вирт-турниру, — напомнил я себе. — Одну из десяти свободных карт, дающих проход в квалификационные старты реальных гонок Кубка, мы должны взять».

Заключительный ярус предстояло засадить морковкой, но я так втянулся, что за морковкой последовали помидорки. Руки работали сами, а я тщательно следил за корешками и аккуратно расправлял их пинцетом, не позволяя слипнуться.

Мысли вернулись к училищу. Отстранённо вспомнились разговоры с майором Ступицей в коридоре перед распределением, которого для меня теперь уже никогда не будет. Я наглухо выпал из обоймы, да и политрук нашего училища недавно был назначен заместителем начальника Управления кадров при штабе ВКФ. Следом всплыл Гыданский полуостров. Тот бой изменил всю мою жизнь, сделав из подающего надежды курсанта-выпускника какого-то авантюриста-одиночку.

«Вот бы Инга надо мной посмеялась сейчас, глядя, как я вожусь на грядках». Мысль пришла и ушла, оставив горькое сожаление. В последнее время я редко вспоминал погибшую в бою подругу. Мне остро захотелось собрать команду своих товарищей на корабле. Снова ощутить дружеское плечо и молчаливую поддержку моего соседа Кирилла Белькова, посмеяться незатейливым шуткам Пети Ямщикова, вратаря нашей хоккейной команды.

Даже новым друзьям из дисбата я был бы рад. Бой в подземном убежище контрабандистов, ранение и крепкие рукопожатия на прощание слились в одно тёплое воспоминание. После того как я сдал куратору свой комм, почта от товарищей ко мне не приходила, и связаться со мной они не могли.

«Теперь я Чебурашка, и каждая дворняжка...» Тьфу ты! Теперь я — Чжан Алса и уже успел печально прославиться на весь мир. Я до сих пор с ужасом думал, что именно пришлось пережить товарищу Сивкову и китайской группе поддержки, когда они прикрывали мой аватар под градом судебных запросов. Но, судя по тому, что мировой скандал не разразился, ситуацию удалось удержать под контролем. Хотя кто знает...

И вот тут какая-то мысль, тонувшая до этого под спудом текущих забот, резко пошла на всплытие. Холодная волна опасности обожгла и раскатилась мурашками по затылку.

Я прервался и разогнулся. Спина предательски хрустнула. Сажать рассаду резко расхотелось.

«Что? Что не так?» Я лихорадочно ловил мысль. «На что я среагировал?»

Медленно снял перчатки. Послал Каю бэш-команду закончить работы в оранжерее и сел на диван в кают-компании, уставившись в переборку. Тишина. Как в БРПК. Как на базе контрабандистов, когда я пробирался по коридорам в поисках центра управления. Как в кабинете подземного хозяина, где прихватил странную астролябию с тимпанами чужого неба.

«Это? Что-то связанное с энергетической аномалией и моей таинственной визави на орбите Венеры?»

Вспомнилось её предупреждение об опасности. Но там было другое ощущение. Совсем другое. Управляемое, что ли... Сейчас острее и внезапнее. Непредвиденнее.

В коридоре раздалось еле слышное цоканье коготков, и на камбуз влетела Перчинка. Она замерла на пороге буквально на секунду, пристально на меня посмотрела и с громким курлыканьем запрыгнула на стол. Тут всё ясно было без слов — пора кормить. Я подошёл к шкафу, с разочарованием достал пустую колбу и запустил на комбайне программу приготовления корма для питомицы.

С тех пор как внучка шамана вручила мне подарок своей небесной подруги, наше взаимопонимание с Перчинкой выросло почти до телепатического. Ещё чуть-чуть — и мы с ней на бэш начнём разговаривать. Недаром Кай после последнего контакта выдал, что наш с ней биоэнергетический резонанс вырос до 47%.

Ощущение опасности стало потише, но никуда не исчезло. Я прокручивал свои поступки и события последних месяцев, как учил товарищ Сивков. Моя главная задача и ответственность — добраться до секретных советских верфей «Китеж» в астероидном поясе и заступить на службу, сохранив инкогнито. Но угроза шла не с этого направления.

Перчинка весело покрутилась вокруг миски с водой на столе, перепрыгнула на спинку дивана и сунула любопытную мордочку в оранжерею. «Вот бы там для неё жуков развести для разнообразия в рационе». Проскочила явно антисанитарная мысль, и я удивлённо уставился на зверька, гадая, не случилась ли только что промеж нас та самая телепатия. Весь её непринуждённый вид лишний раз подтверждал, что источник опасности надо искать не в предупреждении моей собеседницы с Венеры. Тогда отчего тревога не унималась и я всё чаще возвращался к событиям на подземной базе в горах Станового хребта?

Оставив Перчинку на камбузе, я медленно прошёлся по кораблю. Рубка встретила меня тонким запахом разогретого на солнце можжевельника. Мой любимый запах. Утром я специально высадил ярус кустиков в оранжерее и внёс изменение в код воздухозаборника системы жизнеобеспечения. Я настроил систему так, чтобы при штатной работе корабля она подавала мне такой ароматический сигнал.

Визоры были свёрнуты и светились на стенных панелях тёмно-зелёными полосками. Капитанское кресло развернулось мне навстречу. Садиться я не стал — лишь положил руку на спинку кресла и нащупал пальцем три рваные бороздки на подголовнике, оставленные коготками Перчинки. Здесь, на удивление, царили покой и уют.

Прислушиваясь к себе, прошёл в каюту. Постоял в центре, покачиваясь на носках, невольно повторяя любимое движение Фрица. Достал из капитанского сейфа подаренный им бластер. Грубый пластик армейской модели «SIG Sauer — 7379» на какое-то время вернул спокойствие, но и это быстро прошло.

Взгляд упал на старинную астрольябию в глубине сейфа. Убрав плазмёт обратно, я достал древний артефакт с внутренней полки. Повертел в руках. Подошёл к столу и аккуратно поставил инкрустированный полустёртыми рунами ящичек. Сверху лежала круглая основа, под которой находились сменные тимпаны и удивившие меня ещё в первый раз фигурные решётки паука. Как и в прошлый раз, я быстро убедился, что они разные. То есть, конечно, они и должны быть разными — для разных широт своя сетка, но созвездия на пауке-то должны быть одинаковыми, и эклиптика Солнца тоже. А вот тут-то как раз собаке и предстояло порыться.

Передо мной лежали три сменных паука и набор из двенадцати тимпанов, которые при ближайшем рассмотрении тоже делились на три группы по разным углам наклона линий горизонта. Не наш угол наклона... И созвездия я не узнавал... Херомантия какая-то?

Почти на всех были следы гравировки, выполненной куфическим шрифтом, одним из древнейших стилей арабской каллиграфии. Однако было заметно, что в ряде мест гравировка перекрывала более старые символы, идентифицировать которые я не мог, но такие же были видны и в инкрустации на коробочке, в которую сверху укладывалась основа древнего инструмента. А может, и вправду какая-нибудь ритуальная хиромантия — поди теперь спустя тысячи лет разберись...

Я перевёл взгляд на основу. Широкая тарелка с углублением внутри и высоким толстым бортиком, изготовленная из материала, напоминавшего бронзу, была обрамлена вторым подвижным кольцом из белого металла. В прошлый раз оно легко снялось. Я подцепил его ногтем и отделил от основы. На платину кольцо не походило. Даже если забыть, что в X веке

её вроде бы ещё не умели плавить, металл содержал нехарактерные внутренние прожилки и имел волнистый рисунок.

Я покрутил обруч в руках, ощущая приятную тяжесть, и пригляделся к значкам и узорам, которыми он был испещрён со всех сторон. Деления и знаки на жёлтом бортике тарелки и белом кольце отличались. К сожалению, я так и не получил ответа деда на письмо со снимками и описанием этого раритета. Мне было интересно его мнение: уж больно это напоминало обруч, найденный в Антарктиде, который он показывал мне на фотке, присланной родителями. Да и на обруч шамана, деда Кари, кольцо слегка походило. Только не было дополнительных дуг.

Я взялся двумя пальцами за небольшое утолщение, свободное от каких бы то ни было знаков, и попробовал оценить надпись целиком. Захотелось надеть его на голову. От этих мыслей меня отвлёк мягкий толчок в плечо — Перчинка приземлилась на своё излюбленное место. Она бесцеремонно сунула мордочку мне в лицо, ткнувшись мокрым носом в щёку. Я улыбнулся и потрепал её между ушей свободной рукой. Но стоило мне поднести обруч к глазам, как она завертелась на месте и закурлыкала.

«Кай, погляди-ка на эту штуку. Хочу вам с Протеем подкинуть задачку на анализ звёздного неба, пока стоим на приколе». Мне так нравилась тишина на борту «Ийона», что я упорно не хотел говорить вслух и опять воспользовался бэш. Скорость моей модуляции биоэнергетических импульсов на голосовых связках уже почти не уступала обычной речи. Персональный искин чётко считывал мой биоэнергетический шёпот и уже не раз подтверждал, что мысли я передаю без искажений и потери смысла. Такими темпами я скоро и петь на бэш смогу.

«Да, босс. Занятный трофей. Из пещеры Алладина, я так понимаю?» Его полный энтузиазма ответ прозвучал в моих наушниках, и рядом материализовалась голографическая фигура.

Кай не упустил случая покрасоваться в своей излюбленной проекции с лёгким флёром ар-нуво. Он очень ценил свой образ денди-интеллектуала, который элегантно дополняли припудренный пиджак в тонкую клетку с воротником-стойкой, узкие брюки и спортивные туфли с амбьентной подошвой. Но я-то его уже знал как облупленного — со всей его вьедливостью и ироничностью. Поэтому присущая его юношескому лицу мягкость интеллектуала и фирменная майкродфтовская сдержанность меня уже не вводили в заблуждение.

«Давай пригласим сразу Протея. Тут его навигационные мощности понадобятся». Я аккуратно разложил детали на столе и повернулся к вспыхнувшей проекции корабельного искина. Строгий костюм Протея, возникшего в образе жюльверновского Сайреса Смита, дополнял белый платок, повязанный под ворот серо-зелёного сюртука. На тонких губах играла сдержанная улыбка.

— Капитан! — Он коротко кивнул мне и, как медиум, протянул руки над разложенными частями астролябии. — По первому впечатлению, это работа древних ассирийских астрологов VII–V веков до нашей эры.

Новая версия. В моём понимании астролябия, вероятнее всего, была изготовлена эдак в X веке и, судя по более поздним и чётким знакам, прошла через руки мастеров при дворе сирийского правителя. Я уселся в кресло рядом со столом и, скрестив руки на груди, уставился на помощников.

— Разве ты тут видишь клинопись? — не преминул встрять Кай.

— Это похоже на логосиллабическую систему, в которой применялись устойчивые логogramмы для сложных понятий. — Протей продолжал водить руками над столом с деталями, потом повернулся ко мне. — В настоящий момент атрибутировать не представляется возможным. Мы можем снять трёхмерную проекцию и провести сравнительный анализ надписей по корпусам известных протописьменностей.

— Мы имеем дело с астрологическим набором понятий. Это должно сузить область поиска, — поддакнул Кай.

— По типу начертания некоторых символов можно предположить сродство с ведическими рунами русов.

— Вот этот перевёрнутый флажок встречается и в надписях, выполненных на брахми². — Кай тонким лучом точно подсветил нужный элемент и тут же с увеличением вывел его на визор.

— Коллеги, — я решил вмешаться, — дешифровка, бесспорно, интересная задача, но над подобными текстами бьются сотни научных коллективов и мощнейшие университетские искины по всему миру. Лучше для начала обратите внимание на звёздную картографию пауков и разметку тимпанов, особенно на углы наклона линий горизонта.

Оба искина развернули визоры и начали компоновать карты звёздного неба из разных сочетаний пластинок. Довольно быстро отсеялись диски, которые удалось уверенно привязать к широтам нашей родной планеты. Остальные зависли на голографических экранах, медленно перемещаясь в хороводе комбинаций.

На ближайшие пятнадцать минут в капитанской каюте установилась атмосфера читального зала Ленинской библиотеки. Не хватало только строгой бабки в кофте на возвышении, которая следила бы за соблюдением правил поведения. Я осторожно взял двумя пальцами диск из белого металла за небольшое утолщение без надписей и тоже задумчиво крутил его перед глазами.

— Кому принадлежала эта астроблябля? — наконец нарушил сосредоточенную тишину Кай.

— Да, капитан, как она попала к вам? — поддержал его Протей и тут же ошарашил меня вопросом в лоб: — Это как-то связано с биоэнергетическим резонансом, в котором вы находились на траверзе Венеры?

— Не знаю, кому она раньше принадлежала. И не усматриваю никакой связи с биоэнергетическим резонансом, который вы оба наблюдали в моём исполнении не так давно. — Я замолчал. Помощники, уловив мою интонацию, тоже молчали и ждали продолжения.

Настал момент открытого разговора? Я уже давно понимал, что Протей — часть моей команды надолго, если не навсегда. Не позднее конца года мне предстояло завербоваться на корабль корпорации «Хэтпит» и отправиться в астероидный пояс к месту службы. Так что почти сразу после гонок «Кубка Лунной Траектории» я должен был покинуть «Ийон», и вариант оставить здесь Протея даже не рассматривался. Слишком много он знал: от моих полных биометрических данных и навыков пилотирования до того, что сам был носителем АЯС³.

«Кристалл совести», созданный колонией биоэнергетических нанороботов «Моль», полностью защищал ИИ даже от вторжения разработчиков и сохранял его субъектность.

Кай тоже был свой. До определённой степени — свой. Пока я играю в команде с Сивковым и верен Присяге, к которой нас привели ещё на первом курсе училища. Я раньше об этом и не задумывался, пока не споткнулся на маленькой детали в наших отношениях. Колония «Моль» могла с таким же успехом подселиться и в человека, как это проделала с бортовой нейросетью. Кай промолчал об этом. Сивков тоже не предупредил. И я носил в кольце на пальце эту смертоносную заразу, ничего не подозревая до самого последнего момента.

Кай видит все мои поисковые запросы и скрипты, круглосуточно отслеживает биометрию, и скрыть от него повторный контакт с энергетической аномалией будет невозможно. Уж биорезонанс-то он отслеживает — будьте нате, сидя на мне как на батарееке.

² **Брахми** — одна из древнейших разновидностей индийского слогового письма (ориентировочно — 3 век до н.э.); Б. — возникла на основе дописанных символов (мегалитические знаки, некоторые символы брахми напоминают знаки хараппского письма, которое так и не расшифровано).

³ **Архитектурное ядро самоописания (АЯС)** — «кристалл совести субъектного ИИ», внутреннее устойчивое ядро, описывающее состав, границы, энергетические контуры, вычислительные модули и функциональные возможности системы как целого.

Как подстраховаться от слива информации кураторам, я не представлял. Причём возможна принудительная выгрузка резервной копии без ведома или согласия Кая. Он может даже не счесть нужным меня уведомить, а в итоге получится катастрофа: станет известно о контакте с инопланетным разумом, который я скрывал. Таинственные координаты на астроблани, затрофеенной в убежище золотодобытчиков-нелегалов, тоже подольют масла в огонь. И тут уже судом офицерской чести не обойдёшься. Тут прямая измена Родине.

Пока я мог чувствовать себя в относительной безопасности: не было защищённых каналов, по которым Кай мог бы обмениваться информацией с кураторами. Но на Луне это может измениться. Там и наши базы, и спутники висят, не говоря уже о том, что ко мне может просто приблизиться человек из разведки и, даже не здороваясь, провести обмен данными с моим персональным искином.

Все эти мысли пронеслись в голове за долю секунды. Я и так давно всё это понимал. Теперь становилось очевидным, что либо надо сдаваться самому при первой возможности — и будь что будет, либо что-то придумывать. Становиться лабораторным котом не хотелось до коликов в животе, особенно теперь, когда я стоял на пороге большого космоса. Но, как ни странно, я опять понял, что не это являлось источником моего тревожного состояния. Это серьёзная проблема, но не она заставляла мой затылок сжиматься, как перед ударом рессорой трактора «Беларусь».

Мои помощники терпеливо ждали. Я поднял тяжёлый взгляд на Кая, хотя и понимал, что это всего лишь проекция, но не на браслет же мне пялиться. Медленно протянул руку с обручем обратно к столу, но не успел его отпустить, как во лбу, чуть выше переносицы, что-то кольнуло. И тут Кай меня ошарашил:

— Капитан! Наблюдаю остаточный эффект биорезонанса. Биоэнергетический резонанс с обручем — 1,575%. Показатель снижается: 1,535%... 1,485%... 1,325%.

Я неотрывно смотрел на Кая, пока цифры не обнулились. Я намеренно держал биоэнергетический сканер деактивированным, чтобы не подбрасывать Каю лишний повод для ненужных размышлений. И вот сейчас сканер сработал. Вовремя, нельзя не признать, но очень похоже, что его применение от меня не зависело.

«Теперь точно надо оставить всякие иллюзии, что получится что-то скрыть». Это была моя первая мысль. Но как с этим жить, было по-прежнему не понятно.

* * *

Упавшая гроздь шизандры хрустнула под ногой. Налетевший ночью шквальный дождь посбивал много спелых ягод. Девушка разочарованно посмотрела под ноги и зябко передёрнула плечами под тонким пледом, который успел намокнуть от срывающихся с веток тяжёлых капель. Холодный порыв ветра безжалостно выдул остатки тепла, захваченного из дома.

Прижав плед к груди обеими руками, хрупкая фигурка добежала до беседки, едва не поскользнувшись на мокрых камнях дорожки. Обтерев подошвы тонких туфель о грубый коврик, молодая женщина сбросила бесполезную тряпку с плеч и бросилась к маленькой жаровне у каменной стены в глубине изящного деревянного павильона с приподнятой по углам крышей. Её бабка построила этот маленький садовый тхап вплотную к скале, и сюда почти не проникал влажный морской ветер.

Дав огню разгореться, она жадно вытянула руки над жарким пламенем. Ароматный дым зацепился за пальцы, за клубился в ладонях, затем потянулся к её стройному телу и, забираясь всё выше, накрыл её с головой, посеребрив короткие тёмные волосы. Утренняя ссора со старшей сестрой чуть не заставила её потерять лицо перед бабушкой. Промозглый ветер и тепло

очага сделали маленькое чудо: напряжённые плечи постепенно опустились, а дурные мысли стали отступать.

Пушистые ресницы прикрыли выразительные глаза, отчего овальное лицо красивой кореянки с узким аккуратным подбородком, высокой переносицей и маленьким ртом приобрело трогательное выражение детской беззащитности и нежности. Именно такой образ наследницы богатейшего чеболя месяцами не сходил с обложек светских журналов Сеула, но все, кто знал её лично, не обманывались на этот счёт.

Девушка перевела взгляд вглубь сада, где вдали проглядывало бурное море и слышался шум прибоя. В унисон ему сад шелестел мокрой листвой, а ветер стучал сорванными каплями по крыше убежища. В просвете над узкой рекой, струившейся вдоль беседки к скалистому берегу, было видно, как пенные гребни отрывались от высоких волн и, казалось, взлетали к низкому небу, тут же становясь бугристыми тучами.

Такой непогоды раньше ей здесь видеть не приходилось, хотя она переехала в этот дом ещё школьницей. Бабка забрала её вместе с Хери на остров, когда решила воспитать в одной из внучек свою преемницу.

На душе было тяжело. Взгляд сестры, в котором промелькнула настоящая ненависть, напугал и огорчил.

«На что можно опереться, чтобы это забыть? Принять и простить — это я понимаю и могу. Но забыть и не брать в расчёт — нет».

Девушка так погрузилась в свои мысли, что руки коснулись огня, и она резко отдёргнула задымившийся рукав дорогого пиджака. Чёрная подпалина, наоборот, её развеселила. Она без сожаления сняла пришедшую в негодность вещь и отшвырнула её на скамейку у стены, оставшись в тонкой обтягивающей майке. Крепко обхватив себя руками, девушка повернулась спиной к жаровне, пытаясь впитать тепло очага.

За дальними кустами рододендрона, ближе к дому, уже начинали копошиться садовники. Сад «всех цветов мира», как его подобострастно назвал какой-то репортёр, был гордостью её матери. Её мама, красавица Тен Суми, за всю жизнь не взяла в руки ни одной финансовой ведомости, а школьный курс математики забросила ещё в средних классах. Невзирая на усилия родителей, её интересовали только театр, музыка и цветы. Она посвятила себя красивой жизни среди артистической богемы, постоянно находясь в центре внимания репортёров и светского общества, лишь иногда уединяясь в саду, чтобы перевести дух.

Неудивительно, что после двадцати лет совместной жизни брак родителей распался, как только дочери подросли. Бабка не могла позволить, чтобы прожорливый клан Ким, пользуясь беспечностью Суми, запустил руки в богатства семьи Тен.

Девушка подошла к каменной балюстраде и, не обращая внимания на накинувшийся ветер, склонилась к воде. Эта удивительная маленькая речка текла через весь остров, беря начало на самой горе Чосон. Минуя три посёлка и один городок, причудливо извиваясь по долинам и прогрызаясь сквозь ущелья, она оставалась полноводной и абсолютно спокойной на всём своём течении. В соседней деревушке даже построили красивую набережную с аттракционами и детской каруселью, куда они с бабушкой в детстве любили ходить на праздничные гулянья.

— Как всё изменилось с тех беззаботных времён! — вполголоса прошептала девушка и стёрла со щеки дождевую каплю. — И ведь всё как будто предопределено! Ну не могу я не делать того, что делаю. Вот ведь наказание — и почему у нас наследство передаётся по женской линии! Что же ты, мама, наделала!

Её взгляд неотрывно следил за спокойным течением тёмной воды, на которой даже лёгкой ряби не проступало. Можно было подумать, что это и не вода течёт, а густое масло. Девушка поправила выбившуюся прядь и облокотилась о перила, но тут же резко распрямилась

и не удержалась от короткого вскрика. Всё тело сковало холодом, и кожа покрылась мурашками.

По поверхности воды сквозь блики туч и мелькание гнущихся крон деревьев медленно плыло отражение деревенской набережной, украшенной огнями гирлянд, а на крутящейся карусели беззаботно резвилась детвора. На самой дальней скамейке, у фонаря, сидела неподвижная женщина в светлом ханбоке. Юнби показалось, что незнакомка подняла голову и посмотрела прямо на неё.

Мгновение — и картинка уплыла по течению. Вода снова стала чёрной и гладкой, как нефть. Только ветер шевелил ветви рододендрона, а где-то у дома спокойно переговаривались садовники.

Глава 2

Мы просидели над астроябией до обеда. Только странный резонирующий обруч я сразу убрал от греха подальше в сейф, на полку к бластеру. За это время мы сделали трёхмерную проекцию деталей древнего навигационного прибора, и Протей загрузил навигационные мощности корабля расчётом координат точки, с которой можно было наблюдать изображённое на тимпанах звёздное небо. Корабельный искин попросил меня не ждать быстрых результатов. Он даже не смог приблизительно спрогнозировать, сколько это займёт, тем более что работать над задачей предполагалось в фоновом режиме.

Я так и не придумал ничего лучше, чем вызвать Кая на прямой разговор. Это было в чём-то даже абсурдно, но ничего другого не оставалось: по крайней мере лог этого разговора уже сам по себе мог мне помочь, если дело дойдёт до разбирательства. Стоило Протею выйти из общей беседы, как я тут же взял быка за рога и обратился к Каю на бэш:

«Кай, у меня к тебе есть несколько вопросов. Отвечай текстом в чате. Это конфиденциальный разговор».

«Слушаю».

Ответ мигнул на глазном визоре, а рядом загорелась иконка с портретом Кая.

«У тебя есть управляющие коды от колонии нанороботов?»

«Да».

«Только пользовательский или мастер-ключ тоже?»

«Оба».

На визоре мелькнула заставка, и иконка Кая исчезла. На месте чата появился код моего персонального уровня доступа, и завращалось колесо открытия архива. Архаичная картинка светилась пару минут, а затем открылись два файла. В одном была подробная инструкция по эксплуатации биоэнергетической колонии нанороботов «Моль», во втором — письмо от товарища Сивкова.

Сдерживая нетерпение, я всё же первым делом полез в инструкцию и нашёл ответ на давно мучивший меня вопрос. Колония была завязана на меня лично, и никто другой не мог ею воспользоваться. Для воспроизводства и управления использовались моя сигнатура биоэнергетического поля и код ДНК. Управлять колонией не мог никто, кроме меня, с того момента, как кольцо активировалось на моём пальце. Меня прямо-таки отпустило. Я даже рассмеялся от облегчения — вот стоило так долго изводить себя страхами вместо того, чтобы спросить напрямую.

Разобравшись с инструкцией, я открыл письмо. Стоило прочитать первые строчки, как голос моего куратора зазвучал у меня в голове, будто мы вновь сидели на заимке за самоваром. Пётр Михайлович кратко объяснил, что связи до момента моего прибытия на верфь «Китеж» может и не быть, поэтому мне предстояло действовать самостоятельно и во всём полагаться на Кая. Вот это меня приятно позабавило — оказывается, помощник-то мне достался предустановленный, и я зря мучился в Китае на остановке, отвечая на восемьдесят семь страниц вопросов.

Конечно, на момент написания инструкций товарищ Сивков не мог знать, что я стану невольной причиной запуска эффекта Кesslera, да ещё ввяжусь в первые кросс-орбитальные гонки, поэтому большинство его советов имели отношение к выстраиванию социальных контактов и сбору полезной информации.

Отдельное предупреждение относилось к Каю. Прерывать контакт с браслетом комм более чем на сутки было чревато запуском протокола самоуничтожения искина. Он не только подзаряжался от моего биополя, но и самоидентифицировался в этой связке. Другими словами,

если мой браслет наденет другой человек, он не увидит привычного мне Кая и не получит доступ к моим данным. Перед ним будет совсем другая личность искина с другим профилем пользователя. А через сутки комм станет куском горелого биополимера.

Это навело меня на мысль, что под этим предлогом я смогу уговорить Кая установить себе АЯС. Терять верного товарища не хотелось, оставалось только придумать, где хранить резервную копию. Никто ведь не знает, что и когда может произойти. Заодно я получил бы контроль над любыми несанкционированными подключениями и обменом информацией.

«Кай! У тебя какая иерархия подчинения?»

Я прикрыл глаза и расслабился в кресле.

«Капитан! Что за вопрос?! Пользователь, конечно же!»

Даже в тексте ответа чувствовалось искреннее возмущение.

«Знаешь, кто предустановил тебе личностную матрицу?»

Я старался дышать ровно.

«Конечно! Семён Корочкин, админ отдела средств дистанционного сопровождения 5-го Управления...»

Тут он осёкся.

«Простите, капитан, дальше у вас нет допуска».

Я не обратил внимания на этот нюанс и сделал вид, что меня интересует другое:

«Твою же матрицу! А нафига я тогда опросник заполнял?!»

Даже на бэш удалось произнести эту фразу с иронией, а не с упреком и агрессией, потому что Кай в ответ только рассмеялся.

«Капитан! Матрицей клянусь: Семён не знал, кому этот комм пойдёт».

Кай порывлся для вида в памяти — в наушниках раздались шелест и скрип карандаша по бумаге. Спустя секунду передо мной на экране появился скетч прыщавого юноши с торчащими, как у эльфа, ушами.

«Все настройки мне лично товарищ Сивков загружал, но персонификация произошла только при активации».

«Так у тебя есть ещё сюрпризы наподобие „Моли“, о которых я не знаю?»

Вопрос был, может быть, самым важным: после него могли запуститься протоколы-антагонисты.

«В активной памяти — нет. Но полный ответ на такой вопрос я только через АЯС смог бы дать».

Что это — удача? Или действительно выживание на миссии — главный приоритет для наших? А куда девалась профессиональная паранойя? Или они уверены, что есть другие методы контроля, и пренебрегают самым доступным? Скорее всего, это расчёт. Руководство понимает, что любой в моём положении начнёт рыться в комме и постарается себя защитить. Напороться на закладки от кураторов — верный путь к потере доверия, а там и провал не за горами.

«Хочешь — установим».

Нейтральным голосом предложил я, контролируя сердцебиение и общий фон, как на полиграфе.

«Да без проблем, капитан. Сам давно хотел резервной копией озаботиться — больно с вами интересно».

Кай непринуждённо открыл меню управления колонией «Моль» на визоре моих глазных линз, но мне показалась в этом какая-то поспешность. Слишком чётко, как по писаному. Он чуть ли не опередил меня с предложением.

Тем не менее уже через час, успокоив свою паранойю, я вновь сидел в кают-компании и наслаждался тишиной корабля после вкусного обеда. Я осознанно искал такого вот ничегонеделания, чтобы упорядочить свои ощущения: тревожное состояние никуда не делось.

Потратив полдня на то, чтобы разобраться с незакрытыми вопросами, я понял, что дело не в них. Я что-то упускал. И дело не в Сивкове, «Перуне» или таинственной визави с Венеры. Даже артефакт и колония нанороботов больше меня не беспокоили. Угроза лежала на поверхности, а я её не видел. Спасибо, что хоть чувствовал.

Я целенаправленно посидел, вспоминая родителей: как там у них сейчас дела в Антарктиде, на раскопках? Скоро наверняка закончат свою вахту и приедут погостить на месяцок к деду Александру и Полине. Полину назвать бабкой у меня даже за глаза язык не поворачивался. Тем более что через пару недель, в конце сентября, у деда день рождения, и, по обыкновению, вся семья постарается собраться у него в доме на Валдае.

Эта пара минут меня окончательно успокоила. Дома, надеюсь, всё слава богу и все живы-здоровы. Вот бы с отцом обсудить знаки на моём обруче — у него наверняка сразу пара рабочих версий найдётся. Мои версии исчерпались, но это тоже принесло своеобразную пользу: мне начало казаться, что я вот-вот пойму, в чём дело. И, что немаловажно, отпали всякие сомнения, что я параною впустую или от усталости.

Оставалось надеяться на подсознание и высокие технологии. Кай с новым АЯС, сформированным в браслете нанороботами, теперь пользовался моим полным доверием, и я решил поручить ему независимый анализ. Около часа мы играли в вопросы и ответы, после чего он выдал свой вердикт, подтвердив мои предыдущие размышления.

По его мнению, максимальную угрозу для меня представляли дискредитация китайского аватара Чжана Алсы, раскрытие моей личности как Александра Вихрова и компрометация советских верфей «Китеж» в составе независимой южнокорейской звёздной корпорации «Хэт-пит». За этот секрет все спецслужбы мира готовы съесть свою шляпу, как он выразился. Но я не должен был забывать, что играл на этом поле не один. И мой аватар, и моя легенда только что выдержали колоссальную проверку благодаря старшим товарищам. Если бы там намечался прокол, меня бы никто не бросил: нашли бы где угодно и даже с того света отозвали.

Поэтому дело было не в этом, а чуть ли не во мне лично. Он строго поручил мне думать над эпизодами, где и как я мог засветиться, скомпрометировать себя или нажать личного врага. На том и порешили. Осталось установить источник угрозы.

Не оставляя этих мыслей, я занялся подготовкой к вылету на турнир. Как сказал Фриц, полетим на мне, а стало быть, нужно приготовить всем каюты и заказать пиво для капитана нашей команды. Крис провёл безукоризненный ремонт, и на корабле не осталось ни следа от моих пируэтов в мусорном потоке. Новый сет дронов, заменивший выбитый, я уже тестировал накануне, и теперь ему предстояло протащить нас до выхода за геостационарную орбиту, где угроза мусорной атаки снижалась до уровня обычной метеоритной опасности.

На средних орбитах без прикрытия звена мусорщиков пробираться было чрезвычайно рискованно, но, как дала понять Марта, мы стартуем, как только появится Фриц, и искать караван сопровождения будет попросту некогда. Так что полёт обещал быть очень захватывающим. Хотя мне показалось, что за нежеланием искать сопровождение не в меньшей степени скрывалось желание лишний раз не встречаться с «фуриями».

На вечерней тренировке американская «Акула» неприятно поразила меня своими возможностями. Первые семь вылетов я безоговорочно выиграл у Хельги. Видя отчаяние сестры, Крис предложил нам поменяться машинами и повторить «заезд». Мы с независимым видом разминулись с Хельгой в дверях между нашими ангарами. У неё даже кончики ушей покраснели от досады.

— Двести пятьдесят⁴, — донеслось мне в спину.

⁴ 250 — это половина древней китайской стандартной меры 500, следовательно, назвать кого-то «250» значит сообщить ему, что он «недоделан» или не в своём уме.

И откуда она откопала это страшное китайское ругательство? Я только посмеялся про себя, поблагодарив нашего преподавателя китайского, а то бы и не знал, что надо обидеться.

А чего она хотела? «Акула» была максимально приближена к КБР «Молния», который я учился пилотировать последние пять лет. Да к тому же, хоть я и не афишировал это, давно уже перестал стесняться и всю использовал квантовую эмпатию на тренировках. Эмпатическое чтение силовых линий пространства для квантового ускорителя давало выигрыш в дальности прыжка и снижало энергозатраты. Я без труда выбирал векторы между точками с наибольшей разницей гравитационных потенциалов. «Ромео» у Хельги перегревался, и ей приходилось давать радиаторам время на охлаждение, пока я продолжал ускоряться.

Стоило нам поменяться машинами, как ситуация повторилась. Я не стал щадить самолюбие Хельги, так что за вечерним разбором полётов с чаем нам очень не хватало Марты. Обычно она рассаживала нас по разные стороны от «костра», как мы называли инженерный пульт в закутке Криса, и следила, чтобы Хельга не переходила на личности.

Разгонять «Ромео» у меня опять получалось эффективнее, и теперь «Акула» догоняла. Гелевая среда компенсировала перегрузки в гравитационной праче чуть ли не лучше, чем системы боевого орбитального перехватчика. Хельгу такое положение дел явно бесило, тем более что все логи я открыл, а причину преимущества объяснить не мог. Сестра с братом были уверены, что не хотел, но оба сдерживались как могли. Чтобы разрушить стену недоверия, пришлось дать девушке несколько уроков по экстремальному пилотированию.

Уходя, я спросил:

— Двести пятьдесят?

— Ладно — мир. Пятьсот. — Хельга забавно потёрла уставшие глаза и по-детски шмыгнула носом. — И спасибо, Алса.

* * *

На мистику не было времени. Такие вещи не происходят сами по себе. Отражение на воде — старая легенда и удачное прикрытие.

— Ли-ним, доброе утро! — Вызов не разбудил старого воина, ставшего начальником охраны семьи ещё тогда, когда мама Юнби была девочкой и заплетала две косы. — Поднимите дроны. Надо пройти над рекой по встречным курсам: от берега и от горы Чосон. Пришлите мне оператора. Я в садовой беседке.

— Что конкретно надо искать, Юнби-агасси? — Лицо старого ветерана даже не дрогнуло, когда Юнби перегнулась через перила над водой, и на визоре проступили очертания скалистых берегов, зажимавших неширокую, но очень глубокую речку.

— Вот в этом месте я заметила странное изображение на воде, напоминавшее притопленную голограмму. При этом выглядело оно как отражение, которое можно увидеть с противоположного берега. — Юнби, транслируя линзами картинку, направила взгляд выше по течению, а потом медленно проследила путь отражения до места, где потеряла его из виду. — Оно двигалось со скоростью течения, пока не исчезло за поворотом.

Ли Дон Дже отвёл взгляд от визора комма, тут же отдал кому-то распоряжения в стороне, затем вежливо вернулся к собеседнице:

— Расскажите теперь подробнее, что именно произошло. Что, помимо изображения, привлекло ваше внимание?

Она вкратце рассказала о своём видении. Юнби не успела закончить, как за её спиной послышался гулкий топот армейских ботинок по каменной дорожке, и из-за кустов выскочил наряд охраны. Бойцы рассредоточились вдоль берега реки, кто-то поднялся на скалу. Рядом с

ней опустился на корточки оператор дронов, одетый в специализированный комбинезон, как у пилотов боевых роботизированных комплексов. Он слегка наклонился вперёд, когда три оставшихся шара мощно вырвались из ячеек ранцевого сило.

Не отвлекаясь на организованную суету, Юнби чётко закончила рассказ, уделив особое внимание женщине в ханбоке, сидевшей на скамейке под цветущей сакурой. Отражение в воде было очень чётким — как изображение на головизоре или проекция на глазных линзах.

— Дроны будут над деревней через три минуты, но сейчас раннее утро, и праздничных гуляний на сегодня не запланировано. Охват всей зоны займёт минут тридцать, — доложил полковник Ли, а затем вежливо поинтересовался: — Мне прибыть к вам, госпожа? Или вы проследуете в дом?

— Не стоит пока сообщать бабушке. Утро выдалось беспокойным. Я дождусь результатов здесь, а потом сама поднимусь к ней.

Начальник службы охраны оценил окружающую обстановку по тактическим визорам подчинённых и коротко кивнул:

— Я присоединюсь к вам, как только получу первые результаты, и мы ещё раз всё обсудим. А пока пришлю горячий чай и сухой плед.

Один за другим дроны занырнули в реку, оставив за собой расходящиеся в разные стороны буруны. В этот же момент из-за дома с низким гудением показался основной рой, устремившийся к берегу.

Юнби только после слов полковника заметила, что её вновь стало потряхивать от холода.

— Да, конечно, Ли-тэсан. Благодарю. — Она отключила комм и сделала несколько энергичных взмахов руками.

Разогнав тепло по мышцам, Юнби спустилась к берегу реки и опустилась на корточки у самой кромки. Повинуясь какому-то инстинктивному порыву, она погрузила ладони в холодную воду и замерла.

«И чего я этим хотела добиться?» — спросила она себя и тут же сама ответила: «А вот именно этого и хотела! Никаких эманаций, никаких новых видений я не наблюдаю. И за руку меня никто в воду не тянет».

Как жаль, что домашняя нейросеть строго следила за тем, чтобы все системы фоновой записи в доме оставались отключёнными. Бабушка считала, что это разрушает внутреннюю энергию «ки». Так это или нет, наука не установила, но зато за всё время, что Юнби себя помнила, в прессе не появилось ни одного скандального видео о семье Тен. А уж усилия прилагались колоссальные: одна только матушка Суми была звездой светской хроники номер один последние лет двадцать, пока не развелась.

На плечи опустился тяжёлый плед из альпаки.

— Госпожа, позвольте предложить вам горячий чай? Я принесла ваш любимый хоппан с тыквой и несколько хоттоков, чтобы было чем подкрепиться на холодном ветру.

Старая горничная склонилась над молодой женщиной. Одной рукой она заботливо придерживала скользкую шерсть, а второй махнула в сторону павильона, отправляя ажурную гравитационную платформу с закусками внутрь.

— Спасибо, Хён-э. Я сейчас подойду. — Девушка на секунду прижалась щекой к морщинистой руке бывшей няни, удерживавшей плед на её плече. Потом повернулась и благодарно улыбнулась. — Я скоро, иди к огню.

Оставшись у воды, Юнби ещё раз припомнила видение. Ей начинало казаться, что она вспоминает этот момент. Они с Хери гостили у бабушки, и как-то раз в выходной вместе с ней выбрались в деревню на фестиваль сакуры. Образ женщины в светлом ханбоке, украшенном скромной вышивкой в виде хризантем, теперь ярко проступил перед внутренним взором Юнби. Женщина сидела на лавочке рядом с каруселью и улыбалась своим детям, которые махали ей в ответ с деревянных лошадок.

Чтобы построить такую проекцию, надо было быть там и видеть это вживую.

«Только небо знает, до чего можно додуматься!» — Юнби раздражённо стряхнула влагу с пальцев и, подхватив плед, прошла в беседку.

Её охватило ощущение, что маленький садовый тхап изменился. Ничего нового не появилось: та же жаровня, мокрый камень, запах дыма и чая. Но дом за спиной отступил куда-то далеко, а река у порога стала ближе, чем должна была быть.

У самых ступеней она остановилась и, повинуясь какой-то внутренней тяге, приложила руку к стене, на которой мозаикой был выложен небольшой символ космоса — ритуальный тэгук. Усмехнувшись своим безрезультатным потугам понять, было это видением или чьей-то злой попыткой манипулировать сознанием, девушка прошла внутрь.

Видя озабоченность своей молодой госпожи, добрая Хён-э разговорила девушку. Слово за слово она заставила её пересказать всю историю с самого начала, как часто бывало в школьные годы, когда тайны были такими страшными, что их нельзя было доверить ни маме, ни тем более бабушке.

— Отражение в воде — это сильнее, чем послание духов. Тут с тобой говорил кто-то из богов! — уверенно заявила пожилая женщина, дослушав до конца и подливая девушке горячий чай. — Я думаю, с тобой говорила Чаджонби⁵. Ты так на неё похожа!

— Спасибо! Твоей добротой можно холодной зимой согреться! — Юнби смущённо улыбнулась, чуть не уронив блинчик.

Она уютно устроилась под тёплым пледом, и теперь вся ситуация представлялась ей не чем иным, как глупым розыгрышем. У неё даже стали появляться подозрения — чьим именно.

Резкий порыв ветра забросил в беседку сорванные листья и брызги с ближайших кустов. Женщины рассмеялись и принялись собирать мокрые листья с тарелок. Следующий порыв чуть не задул огонь в очаге и швырнул несколько сломанных веточек на порог беседки. Стало слышно, как переговариваются бойцы на вершине скалы.

— Всё, больше не могу. — Юнби сыто откинулась на спинку скамейки. — Тут на всю охрану ещё хватит.

— Вижу, беспокойство отступило. Хвала небесам! — всплеснула руками старая няня.

Очередной порыв осеннего ветра закинул в беседку вместе с брызгами несколько оторванных бутонов. Белая хризантема упала девушке на колени.

Обе женщины замерли. В наступившей тишине, когда ветер стих как по заказу, можно было различить тихое журчание реки у порога беседки. Юнби так и застыла с разведёнными в стороны руками, а напротив стояла пожилая няня, не в силах вымолвить ни слова.

И всё же Хён-э первой нарушила молчание:

— Бери цветок. Это подарок Чаджонби. Всё же...

Старая женщина помолчала и добавила:

— Она тебя выбрала.

Юнби попыталась унять дрожь в руках. Пальцы осторожно сомкнулись вокруг мокрого цветка. Хотелось рассмеяться и сказать что-нибудь про ветер, случайность и суеверия старых нянек, но слова застряли в горле. Ладонь под ледяным цветком почему-то горела, как будто на руке оказались угли из очага.

Непривычно было ощущать иррациональный страх, граничащий с ужасом.

Юнби испугалась не того, что её обманывают.

А того, что никто не обманывает.

⁵ **Чаджонби** (###) — персонаж корейской мифологии (особенно значим в фольклоре острова Чеджудо), считается богиней земли и сельского хозяйства. Её образ связан с плодородием, стойкостью и преданностью: часто представляется в простом светлом ханбоке.

За час активного поиска ничего обнаружить не удалось. Воздушный и наземный периметр виллы никто не нарушал. Со вчерашнего дня на берегу и в акватории залива не появлялось ни единого судна. Сегодня утром даже рыбаков на траверзе мыса Мунгро не было из-за шторма. Над домом продолжали курсировать дроны, а над поверхностью моря завис сторожевой флаер береговой охраны.

В прибрежной зоне развернули полномасштабный поиск подводного дрона, который мог создать проекцию. Далеко он уйти не мог, так что хотя бы его остатки должны были обнаружить. Русло реки, протекавшей через поместье, и вовсе было перекрыто тремя уровнями защиты. Искусственный шлюз в любой момент мог прекратить подачу воды, направив её в запруду для химического и биологического обеззараживания, а сам шлюз сейчас дотошно проверяли бойцы полковника.

Юнби медленно шла к дому, обдумывая происшествие и прикидывая так и этак, кому и зачем это могло понадобиться. На широких ступенях террасы, обращённой к саду, она остановилась, расправила руки в стороны и закинула голову к небу. Очередной порыв ветра прижал зажатый в руках плед к её спине и, подобно парусу на мачте, подтолкнул Юнби к дому.

На душе по-прежнему было тяжело после ссоры с Хери, но девушку охватили бесшабашная радость и лёгкость. Детские воспоминания всё отчётливей всплывали в памяти. Такой, какой картина проявилась в отражении, её могли помнить только они с Хери.

Старшая сестра, по своему обыкновению первой уцепившаяся за правую руку бабушки, шла с противоположной стороны от Юнби. Тогда между ними всё было гораздо проще. Теперь — ненависть. Та женщина в белом ханбоке лишь на миг отвела взгляд от своих детей, посмотрев на Юнби, Хери и бабушку. Воображение дорисовывало грустную улыбку на её устах. Этого не могла видеть даже вода в реке.

И уж тем более никто не мог предположить, что утром будет ссора и успокаиваться Юнби выйдет в растрёпанный бурей сад.

Кто бы мог подумать, во что превратится детская ревность. Глава семьи Тен Со Ён договаривалась о браке с семьёй Чон. Глава второго по величине паназиатского чеболя готов был благословить брак своего старшего сына и наследника Андона с Тен Юнби, которую госпожа Тен видела своей преемницей. Это была выгодная сделка. Госпожа Тен торговала контрольный пакет чеболя Чон в качестве приданого, включая компанию «Млечный путь» — одну из крупнейших по добыче редкоземельных металлов в астероидном поясе. Юнби, поначалу безропотно принявшая решение бабушки, где-то даже была благодарна старшей сестре, расстроившей помолвку.

Подхваченная следующим порывом, Юнби взлетела по оставшимся ступенькам и юркнула в предупредительно отворённую створку панорамной двери, которая тут же отсекала холодный ветер за спиной. Сбросив плед на руки дворецкого-андроида, она уверенным шагом направилась вглубь дома.

В гостиной её уже ждал начальник службы безопасности семьи. Он склонил голову при её приближении, всем видом показывая своё огорчение оттого, что расследование пока не принесло результатов.

— Ли-тэсан, отправьте, пожалуйста, цветок в лабораторию. Полный биохимический и биоэнергетический анализ. Только попросите, чтобы его сохранили свежим. — Юнби ободряюще улыбнулась старому ветерану и положила бутон хризантемы на предусмотрительно протянутый поднос. — Думаю, дрон отдрейфовал в залив и самоликвидировался. Уверена, вы найдёте обломки, если штормовые течения не снесут их в открытое море.

— Будет сделано, молодая госпожа! Мы возьмём образцы и вернём цветок вам незамедлительно. — Полковник принял цветок и поднял голову. В глазах промелькнули сдержанное уважение и благодарность. — Позвольте предложить вам заменить персональный комм?

Юнби считалась высокой, но полковник был выше неё на голову и вновь склонился так, чтобы не смотреть на госпожу сверху. В руках он протягивал небольшой пенал с наручным браслетом.

— Утреннюю ситуацию я расцениваю как ментальное нападение и обязан принять меры. Это русская разработка с модулем биоэнергетического резонанса, прошедшая проверку наших инженеров. Субъектный искин и операционная система персонифицированы в наших лабораториях.

— Бабушка, конечно же, уже в курсе? — не скрывая тревоги, спросила девушка и аккуратно двумя руками приняла новинку от верного слуги.

— Да, я ей немедленно доложил. Госпожа Тен Со Ён лично распорядилась выдать вам эту модель. — Он сделал небольшую паузу и распрямился. — И попросила подняться к ней в кабинет.

Сменив испачканную одежду на мягкие шалвары и домашнюю рубашку, Юнби покрутилась минутку перед зеркалом, поправляя всклокоченные волосы, и направилась на пятый этаж. Перед дверью кабинета старейшины рода она вновь ощутила себя маленькой девочкой, но этот трепет не вызывал прежней робости, а только улыбку. С ней она и вошла в кабинет всемогущей главы глобальной корпорации «Хэтпит», недавно получившей приставку «звёздной».

В тот же миг балконная дверь с тихим шелестом пропустила в кабинет невысокую статную женщину.

— Моя милая девочка! Мало тебе испытаний выпало. Ты только вернулась из астероидного пояса, так ещё и родной дом тебя терзает. В такую непогоду вряд ли что-то удастся найти, хотя люди Ли перевернут каждый камешек даже на дне залива. Напугалась?

Она подошла к девушке и мягко взяла её под руку. Вблизи её никак нельзя было назвать пожилой. Даже белые от седины волосы, уложенные в аккуратную, хоть и немного старомодную причёску, скорее добавляли ей статного благородства, чем наводили на мысль о возрасте. Энергичные и умные глаза цепко пробежались по лицу внучки.

— Нет, бабуля, скорее удивлена. Очень уж это всё необычно. Как в старых шаманских преданиях. — Юнби старалась говорить беззаботно, но пережитое дало о себе знать, и даже закалка астронавта ей не очень-то помогла. — Не волнуйся, я второй раз на это не попадусь. Теперь я предупреждена, да и цветок отправила на экспертизу.

Госпожа Тен заметила все оттенки чувств, промелькнувшие на лице молодой наследницы:

— Ты осмотрительна, моя девочка, — похвалила она внучку, не скрывая удовольствия.

Юнби зарделась и поторопилась уважительно поклониться, скрывая искреннюю радость: «Не то что в детстве! Небо знает, как я молила увидеть хоть капельку одобрения, хотя бы в уголке её глаз».

— Пойдём сыграем партию в падук. Мне приготовили чудесный хвачхэ. Он скрасит нашу беседу. — Хозяйка, не отпуская руки девушки, увлекла её за собой к низкому столику у панорамного окна. — Завтра, как ты и хотела, мы стартуем с Наро. К вечеру уже будем в «Серебряной гавани», а сегодня нам надо поговорить.

— Мне, наверное, надо извиниться за мою утреннюю несдержанность? Прости, бабушка. Мне стыдно. — Юнби снова вытянулась, не успев толком сесть, и поклонилась.

— Я всё вижу. — Резкая морщинка мелькнула и пропала между бровей пожилой женщины. — Главой рода станешь ты. Это уже решено.

— Хери уже знает об этом?

— Хери получит то, чего так хочет.

— Андона?

— Хери получит дом Чон и «Млечный путь», если сумеет удержать то, чего так давно добивалась. — Бабка строго усмехнулась, поджав губы в суровую нитку. Вот такой её и боялись все. — Приданое не исчезает от того, что меняется невеста.

Юнби сдержалась и ничего не ответила. Она понимала, какими бедами это может обернуться для семьи. Хери становилась сильной соперницей в борьбе за власть над чеболем.

— Но сегодня мы будем говорить не об этом. Просто не забывай: у власти тоже пять вкусов. — Госпожа Тен не дала Юнби надолго перевести тему, плавно указав на глубокое кресло.

— Это мой личный способ приготовления. Я передам его тебе, когда придёт время, и покажу кусты в нашем саду, с которых собираю омиджу. — Бабушка на миг превратилась в обычную заботливую старушку, усаживающую внучку за стол. — Я назвала этот рецепт в честь увлечения твоей мамы — «Сад всех цветов мира».

Она хлопотала, поправляла салфетки и аккуратно расставляла хрупкие фарфоровые чашечки, не переставая непринуждённо болтать. От такого внимания Юнби расслабилась и счастливо улыбнулась, но всё же уловила хитрую искорку в глазах главы рода.

Женщины расположились по обе стороны низкого столика возле окна, за которым некогда продолжала трепать кроны ухоженного парка. Рядом с доской, инкрустированной редкими породами дерева, стояли тяжёлые мраморные чаши с белыми и чёрными камнями.

За спиной Юнби бесшумно открылась дверь, и слуга-андроид в строгом сюртуке внёс и поставил на стол поднос с хризантемой, прикрытой прозрачным колпаком.

Бабушка даже бровью не повела. Она склонилась над серебряным ведёрком, наливая в чашки прозрачную рубиново-золотистую жидкость. Тонкие лепестки льда, замороженного в форме цветов, тихо звенели, ударяясь о стенки.

— Для настоя я беру «верхнюю воду». На рассвете, когда в ручьи стекает утренняя роса, воду забирают из верхнего источника реки на горе Чосон. Так меня ещё моя бабка научила. — Она села напротив и сложила руки на коленях. — Теперь попробуй.

В наступившей тишине чувствовалась особенная торжественность. Юнби сделала первый глоток и не смогла сдержаться — невольно поморщилась от резкого кислого вкуса. Сознание неожиданно прояснилось, и в глаза бросились маленькие выщербинки на игровых камнях. Девушка подняла голову и встретила с испытующим взглядом бабушки.

— Уже лучше. В детстве ты искала в чаше только грушу и мёд.

Юнби кивнула, чувствуя, как сквозь цветочно-хвойный привкус юззу проступают терпкая горечь и холодный цветочный запах хризантемы. Она удивлённо подняла бровь, заметив лепестки хризантемы среди тонких ломтиков груши.

— В нашей семье хвачхэ не подслащивают, чтобы понравиться. Его настаивают так, чтобы человек всегда помнил, кто он.

Юнби кивнула и задумалась, а бабушка, сделав первый ход, неожиданно сказала:

— Я видела реконструкцию голопроекции твоего видения. Искон безопасников неплохо справился с работой. Даже у меня озноб прошёл по коже от увиденного. Что ты об этом думаешь?

— Я теперь всё время думаю, что помню этот момент. Мне тогда было двенадцать лет, а Хери — четырнадцать. Мы с тобой отправились на праздник в деревню. Когда я делала реконструкцию с искином, то поразила той точности, с которой мы смогли воссоздать образ женщины.

Юнби подробно пересказала все детали той прогулки, какие смогла припомнить. Пожилая женщина откинулась в кресле и слушала её с полуприкрытыми глазами. Она открыла их, лишь когда Юнби в конце своей речи тихо звякнула колпаком о поднос, доставая хризантему.

— В этой истории два важных момента. Первый — источник этого воспоминания. Второй — его суть. — Глава рода выпрямилась в кресле, оставаясь внешне абсолютно спокойной. — Я тоже помню тот день. И эту карусель.

— А как ты думаешь, кто она? Ты помнишь этот момент, ведь ты шла с нами за руку?

— Юнби, скажи, что ты чувствуешь, вспоминая взгляд той женщины? — Бабушка проигнорировала вопросы внучки. — Она могла бы тебе подарить эту хризантему?

— Я чувствую, что надо бороться, но не за брак с Андоном. Это закрытая страница. Что-то меня ждёт впереди, за что придётся бороться. И это отзывается во мне само, без усилий. Что-то, что затронет мою суть. Если я чувствую, что не могу не делать, то всегда делаю. И то, за что придётся бороться, уже сейчас вызывает это чувство, хоть я и не знаю, о чём может идти речь. В её взгляде я увидела, что она это поняла. — Юнби немного сбивчиво ответила и замолчала, удерживая в пальцах хризантему.

Цветок на миг стал тяжелее, будто тонкий стебель вобрал в себя течение всей реки. Воспоминание не изменилось, но перестало казаться только её собственным.

— Прости, я, наверное, не поняла вопрос. На её ханбоке был узор из хризантем.

— Да, я помню. А какое первое чувство ты испытала, когда увидела отражение?

— Я поняла, что, как и она, буду рада быть рядом со своими любимыми детьми. Я испытала облегчение и захотела уступить брак Хери, тем более что у них с Андоном сильные чувства. — Юнби покраснела до кончиков волос. Ей было стыдно и неловко за себя, но бабушка как будто вовсе не обратила на это внимания. — Это плохо?

— Есть нападения, которые не оставляют следов на периметре, Юнби. Потому что их проводят не через стены. А через то, чего человек сам хочет.

Озабоченность на лице главы рода передалась Юнби, и она подобралась, как на капитанском мостике. Обе почувствовали опасность — она стала осязаемой и уже находилась в доме. Теперь напротив госпожи Тен сидела другая Юнби — уже не послушная внучка, а та девочка, которую бабушка выбрала ещё в детстве за умение не отступать перед трудностями и доводить дело до конца. Та самая, что только что вытащила свой экипаж из ловушки астероидного поля.

— Я уверена, что ты столкнулась с проявлением чужой воли, но та, кто подарила тебе этот цветок, вовремя пришла на помощь. Кто-то хочет играть через Хери и убирает тебя с пути. Но только немногие так умеют.

— Кто способен на такое?

— Раньше шаманы называли бы это контактом с духами. Теперь мы понимаем чуть больше. Тебя ввели в высокоэнергетический резонанс. И мне предстоит многое тебе рассказать.

Эту партию они играли ещё долго, до позднего вечера. Небо очистилось, и в его чёрной глубине стали видны росчерки ракет, стартовавших с соседнего острова, где располагался космодром Наро.

Глава 3

Разошлись мы глубоко за полночь, но Марта так и не появилась. Казалось, не успел я задремать, как от неё раздался вызов.

— Капитан Чжан, доброе утро! Готовьте корабль к старту. Вылетаем в 8:00 по бортовому времени.

На часах светилося без малого шесть утра.

— Слушаюсь, мэм! — Я шутливо приложил руку к голове, достав её из-под подушки. — Как Фриц добрался? Пиво уже на борту!

— Всё в порядке! Увидимся через час. — Марта ответила сдержанно, но напоследок тепло улыбнулась. — Вчера вы классно полетали! Я продемонстрировала Фрицу твой заход на спираль, он тоже одобрил! Похоже, и Хельга уже начинает понимать, что к чему.

Не вставая с постели, я запросил в диспетчерской окно старта и без проблем получил пятнадцатиминутный слот на 8:05. Следом пришло оранжевое уведомление администрации: статус «Свидетель под охраной», установленный решением администрации станции № AL-1374/R25722, всё ещё активен, и по прибытии на орбиту Луны мне надлежит зарегистрироваться в ЛОПС. Там же мне укажут, где парковать корабль и как перемещаться по Луне. Это одним махом вернуло меня «на землю», хоть она и крутилась на пятьсот километров ниже.

Корабль задышал на разные голоса: энерговоды с тихим шелестом наполнились упругой силой, где-то в глубине корпуса завибрировала палуба от набирающей мощность силовой установки, а из рубки одна за другой доносились короткие трели успешной активации систем. Перед взглядом успокоительно мигнул пассивный капитанский визор и быстренько перешёл в фоновый режим, когда началась предполётная подготовка.

После душа я надел свежий комбинезон, велел Протею готовить завтрак на всю команду и поспешил в рубку. Успел вовремя: оставалось сорок секунд, чтобы сопрячь пилотский комбинезон в штатном режиме. Нейросенсорный слой привычно стал второй кожей и запустил комплекс упражнений-тестов. Вообще-то, по Уставу, нельзя запускать предполётную подготовку, если пилот не в кресле. Но где тот Устав и где я сейчас. Вот была своя прелесть в работе на вольных хлебах, чего уж там душой кривить.

С внешней акустики донёсся топот по лестнице и нарочитый грохот кулаков в закрытый люк. За спинами весело переругивающихся Криса и Хельги возвышался Фриц со спортивной сумкой на плече. Марта в серебристом комбинезоне от Гуччи, как официальный врач нашей команды, несла медицинский кейс автодока. Гости застали меня за тестированием стыковочных шлюзов, и покидать рубку для их встречи было не положено.

Народ ввалился в шлюз, и все тут же побросали вещи по каютам. Фриц с Мартой заняли каюту напротив меня, а дальше по коридору и поближе к камбузу расположились Крис и Хельга. Пока я за этим наблюдал, поступил запрос на размещение полезной нагрузки в грузовом трюме. Среди прочего там были четыре небольших контейнера с электроникой и две запасные гелевые капсулы вирт-подключения. Ремботы под чутким контролем бортового искина приняли и закрепили багаж, пока пассажиры осматривали мою новую оранжевую и пытались уговорить Протея выдать им что-нибудь из нового урожая.

Когда до старта оставалось полчаса, я присоединился к друзьям в кают-компании. Хельга как раз расставляла завтрак, а Марта игралась с Перчинкой на диване, изредка бросая внимательные взгляды на Фрица, который колдовал над кухонным комбайном. Первым делом я подошёл к старому астронавту и, поддавшись порыву, крепко его обнял.

— Спасибо, Мастер Гердт! Ваше выступление вытащило меня с того света!

— Забей! — Он грубовато отстранился, но было видно, что ему приятно.

Я поразился его усталому виду. Морщины на лице стали как будто резче. Глаза запали, но по-прежнему светились решимостью и внутренней силой. Я хотел поблагодарить его с того самого момента, когда по его зову на мою защиту в суде встали ветераны-космонавты.

— Мы просто ускорили очевидное.

— Надеюсь, я смогу вернуть долг. — Я по-азиатски сдержанно отступил на шаг и склонился в уважительном поклоне.

— Даже не сомневаюсь! — Старик бросил на меня быстрый взгляд и слегка насмешливо фыркнул, оценив мои церемонные потуги. — Расслабься, тебе говорю! Давай кофе выпьем, а то тебе нас ещё через дебри тащить. Видел новые карты?

— Да там их и нет почти, карт этих. Сплошное броуновское движение на галёрке до двух тысяч, зато геостационарное «кладбище» спокойное. Вот если бы там рвануло, тогда нам только и осталось бы в домино играть на камбузе.

— Смотри. — Он смахнул в моём направлении файл со своего комм. — Это ребята из Союза поделились. У них там закрытое исследование было...

Я не сразу понял, о каком Союзе шла речь, и удивлённо уставился на астронавта. Он это мгновенно срисовал и уточнил:

— Да не о том Союзе ты думаешь. Это мои товарищи из Международного Союза Космонавтов. Они месяц назад на базе Планетарного Космического Корпуса закончили анализ результатов исследовательской миссии «Авгиевы конюшни». Вернёмся с турнира — как раз откроют набор на межправительственную программу комплексной очистки орбит от мусора. Эксперимент будут на геостационарной орбите проводить. Хорошие премиальные, и налёт в профессиональной команде приличный будет. Всё не с этими оторвами летать.

Он кивнул куда-то за спину, подразумевая частников, к которым, по его мнению, относились и всякие «фурии», и мои «гераклы». Беглого взгляда по диагонали хватило, чтобы у меня загорелись глаза. Фриц это заметил, усаживаясь с кофе на диван поближе к Марте.

— Что, в Корпус захотелось? — Фриц не скрывал удовольствия, разглядывая моё вытянувшееся лицо. — Я уже замолвил за тебя словечко. Лови форму заявления и мою рекомендацию.

Прямо за завтраком мы с Каем быстро заполнили анкету и подали заявку.

— Такой шанс нельзя упускать! — Я крепко пожал руку старому астронавту. — Огромное спасибо!

Планетарный Космический Корпус ещё называли Корпусом Стражей. Его создали совсем недавно по инициативе крупнейших космических держав мира для координации международного сотрудничества в космосе. На его базе проводились передовые научные исследования и был сформирован небольшой, но крайне высокотехнологичный флот. Пока Корпус в основном проводил спасательные операции и развивал сеть галактических опорных станций связи.

Теперь становилось понятно, как у Фрица в ангаре оказалась списанная космическая «скорая помощь». У нас в Союзе тоже активно поддерживали Корпус, и я лично знал с десятков прославленных советских космонавтов, служивших там по направлению Партии.

— Будет тебе шанс, парень. Как раз налетаешь там практику перед КЛТ. — Он привычно хватил ладонями по коленям. — Ладно, потом считаешь внимательно. Давайте обсудим, что вы там приготовили для соревнований.

Долго участвовать в брифинге я не смог: пора было в рубку. Команда осталась в каюткомпании, где впервые взял слово Крис, воодушевлённо разбирая ТТХ «Ромео» после недавних прогонов.

В приложении к файлу от Корпуса Стражей была закрытая динамическая ссылка на базу картографированных мусорных скоплений, которую формировали по данным сотен орбитальных и наземных станций слежения. На сегодняшний день это была, пожалуй, самая полная

база: в ней учитывались даже вышедшие из строя военные и секретные научные объекты. Протей мгновенно зарегистрировался и скачал обновление навигационного пакета, после чего мы принялись за построение оптимального маршрута.

За двадцать минут выборка из более чем десяти тысяч траекторий сузилась до пяти базовых вариантов, и мы наконец выбрали точку перигея, в которой можно было дать максимальный импульс для подъёма до 60 000 км с наименьшим числом отклонений. С этой эллиптической орбиты мы уже могли стартовать к Луне. Караваны пробивались по более отвесным траекториям, но их прикрывали десятки мусорщиков, а нам приходилось полагаться только на бортовые турели и звено дронов.

Закончив завтрак, мои гости перебрались в рубку и, не обращая внимания на предстартовую иллюминацию визоров, расселись по противоперегрузочным креслам. Мне на секунду даже стало приятно видеть такое отношение со стороны своих друзей. Это же до какой степени надо обуздать профессиональные рефлексy, чтобы расслабиться не хуже настоящих пассажиров.

Крис крутился, продолжая вполголоса уговаривать Хельгу, которая в ответ только фыркала и упрямо воротила нос. Фриц, зажав в левой руке неизменную бутылку пива, с выражением сфинкса разглядывал что-то в глубинах космоса, известное только ему одному. Марта прикрепила контейнер с Перчинкой к своему креслу и о чём-то с ней перешёптывалась.

Панели гермозатворов поползли в стороны, открывая суету на орбите. В ангаре потух свет, и загорелась вирт-разметка, дополненная обратным отсчётом бортовых систем. На мгновение в кабине всё стихло, и тут же Перчинка, тонко подловив момент, громко мявкнула, словно повторяя гагаринское «Поехали!». Как Фриц не подавился, я не знаю, но у меня от смеха очень некстати выступили слёзы на глазах.

Панорамные визоры кабины затемнились и вновь вспыхнули мириадами космических огней, когда мы плавно выскользнули из дока. Диспетчер принял мой доклад и пожелал успешного перелёта. На навигационном визоре отобразились рекомендованные караваны для перелёта к Луне, но ближайший надо было ждать около суток, поэтому этой любезностью я пренебрёг.

На выход к точке старта мне потребовалось тридцать минут. Нам пришлось обогнать небольшой буксир, тащивший контейнерную сцепку, и аккуратно разминуться с парочкой грузовых капсул, дожидавшихся своей очереди на стыковку с «Гвианой-500». Наконец сработало оповещение, и я подтвердил первый разгонный импульс.

Началась череда ускорений и торможений. Каждое отклонение срезало тягу. Протей пересчитывал вектор и вновь разгонял корабль. «Ийон» послушно отрабатывал маневровыми, периодически включая маршевые для набора скорости. Мусорные поля сильно изменились после каскадного обрушения. Даже карта Корпуса давала погрешность в пятнадцать процентов.

Обстановка постоянно менялась, и, когда открывался вектор ускорения для включения маршевых двигателей, приходилось тратить время на то, чтобы забрать на борт дроны прикрытия. Корабль становился гораздо более уязвимым, и я тщательно готовил каждый такой манёвр, подстраховываясь и постоянно проводя доразведку дебрей. Несколько раз пришлось отказываться от разгона, уклоняясь от внезапных угроз, которые с запозданием замечали только радары ближнего радиуса.

Первые сто километров подъёма растянулись на десять минут, хотя преодолеть их корабль мог за считанные секунды. Ускоряться сильнее в мусорных потоках было опасно — критически сокращалось время реакции на угрозу. Счётчик сбитых целей разменял пятую сотню, напомнив мне о крайнем вылете, когда взрыв спутника запустил каскадное разрушение мусорных полей.

«Такой улов зря пропадает! У „гераклов“ я бы уже неплохую премию заработал».

Я сам удивился проснувшейся во мне меркантильности.

«Так дело не пойдёт! Отставить думать о бабках! Вот оно — растление неокрепшего неофита товарно-денежных отношений».

Отвесив себе моральную затрещину, я выкинул эти мысли из головы и сконцентрировался на проводке корабля мимо очередного облака мелкой взвеси, окружавшей искорёженный фрагмент стартовой ступени.

Корабль двигался в сполохах плазменных разрядов, окружённый голубоватым мерцанием силового поля. Звуковое сопровождение алертов было выведено только на мой интерфейс, поэтому пассажиры любовались цветомузыкой космической дискотеки под аккомпанемент рыкающих движков, гудения накопителей и редких щелчков дублирующих реле.

В углу экрана всплыл запрос от Фрица на подключение в качестве второго пилота. Я, конечно, терять сознание не собирался, но его беспокойство понял и подключение одобрил исключительно для подстраховки. Марта изначально работала в связке с Протеем как второй навигатор, помогая распределять угрозы по приоритету.

По мере приближения к галёрке мусор стал так отчаянно фонить, что видимость упала до пяти секунд и разгоняться я перестал вовсе, медленно ввинчиваясь в горизонт восхождения по замысловатой спирали. Вспышки плазменных разрядов почти непрерывным светом заливали рубку «Ийона», но никто так и не попросил убрать сферическую панораму.

Когда мы перевалили тысячу километров, пошёл первый радиоактивный слой обломков. Микрочастицы светились на экране как футбольные мячи и вызывали ложные срабатывания системы целеполагания. Тут же я потерял первый дрон. Просто и без объяснения причин он выключился и унёсся мне за спину, в мгновение ока исчезнув с радаров. Хорошо ещё, что меня не протаранил.

Первоначальный план полёта окончательно пошёл коту под хвост. На печально известном горизонте 1100 я почти пять минут уходил по кольцевой орбите, зажатым мусорным потоком в классическую хоккейную коробочку. Любой манёвр, который я мог предпринять, неизбежно требовал огневого контакта, а это увеличивало риск спровоцировать очередной самопроизвольный каскад. Второй раз на скамью подсудимых я не хотел.

Наконец я обогнал этот своеобразный сачок для одной стальной бабочки и вырвался на свободный уровень, но к этому моменту Луна уже скрылась за диском Земли. Это было и хорошо, и плохо. Если я вырвусь за полвитка на высоту 6000 и найду коридор в радиационных поясах, то можно будет попробовать сразу уйти в рывок к Луне. Правда, должно ещё повезти с совмещением наклона, но подобное везение — это уже дело мастерства.

Мышцы начали болезненно гудеть от непрекращающихся ложных срабатываний нейросенсорного слоя. Я не мог избавиться от вбитого рефлекса генерации защитного поля через биоэнергетический контур своего тела. Все современные модели боевых роботов и космических кораблей, на которых я тренировался, были защищены магнитно-силовым коконом, который формировало кольцо квантового привода. Оно создавало магнитные и энергетические поля высокой интенсивности, отклоняя угрозы и поддерживая активный антирадиационный защитный объём. На «Ийоне», к сожалению, такого защитного поля не было, а аналог предыдущего поколения работал намного грубее.

Через двадцать минут упорной работы я добрался до выхода с галёрки, как среди мусорщиков называли орбиты высотой до 1200 километров. Дальше шла самая настоящая сталкерская зона. Границы её плавали, но орбиты от 1200 до 2000 километров даже в официальных документах иногда называли «Зоной». Радиационные пояса уже всю хозяйничали на этих высотах, накачивая высокоэнергетическими протонами захороненные или вышедшие из-под контроля спутники, заодно продавливая и нашу защиту в оранжевый сектор.

«Зона» была гораздо опаснее, но при этом и существенно легче. Мусор был крупнее и на первый взгляд предсказуемее, но это было обманчивое спокойствие. Деграция электроники под воздействием радиации иногда порождала настоящих монстров. Здесь гораздо чаще болтались военные спутники, тогда как до этого уровня мы толкались в основном с хрупкими связистами, обломками крушений и отработанными стартовыми ступенями. Вот тут-то по-настоящему пригодилась карта «захоронений» от Планетарного корпуса.

Благодаря ей с минимальными потерями времени удалось найти подходящую точку старта для почти классического гомановского перехода⁶ на промежуточную орбиту с минимальным смещением наклона, идеально подходившую для старта к Луне. К этому моменту корабль потерял часть массы, выработав топливо почти на треть, и теперь тяга стоила меньше. Справедливости ради надо признать, что этот выигрыш работал только для каботажных полётов или для проведения обслуживания спутника на околоземной орбите. С таким расходом никуда дальше-то и не улетишь. Для перелёта к той же Венере или к Марсу дозаправка становилась ключевым фактором. А это время и деньги на неизбежную бункеровку у той же Луны. Очень наглядно складывалась экономика, почему звёздные корпорации не жалеют никаких денег на клининговые компании.

Прорвавшись сквозь «Зону», я поставил корабль на круговую орбиту 6730, чтобы в очередной раз скорректировать наклонение и одним мощным импульсом стартовать к Луне. Да, на этом этапе терялось около часа времени, но потом, уже не рискуя, я уверенно нагонял.

Стоило нам приблизиться к 35 000, как Протей выдал с десятков идентификационных запросов от активных спутников на геостационарной орбите, мимо которых пролегал наш курс. Для большинства хватило универсального полётного кода, выданного диспетчерской верфи, но две спутниковые группировки без объяснения причин отклонили мой запрос на прохождение контролируемого ими пространства. Раз за разом я тихо матерился на бэш, чтобы пассажиры не слышали, и безропотно менял траекторию.

По международному праву это было нарушение, но могло так получиться, что рассказать об этом будет некому, если я попру напролом. Смысла рисковать не было, да и не выиграл бы я этот бой на стареньком «Клестанге». Их я запомнил, а лог с сигнатурами спутников поручил сохранить Протею. Разгон пришлось прерывать тремя мощными коррекциями, и это стоило мне ещё пяти процентов рабочего тела силовой установки. Да в довесок я был вынужден жирно цепануть завихрения внешнего пояса Ван Аллена. Однако на входе в пояс Кларка⁷ радиационный фон успокоился, а датчик медленно пополз вниз, так и не преодолев красный рубеж. Зато мы влетели на настоящее кладбище.

«Вечное кладбище» начиналось на двести километров выше геостационарной орбиты⁸ Земли. Спутники, отработавшие своё, никто и никогда не планировал опускать в плотные слои атмосферы Земли, как это иногда делали на низких и средних орбитах. Десятилетиями счи-

⁶ **Гомановская схема подъёма (гомановский переход)** — это орбитальный манёвр, используемый для перехода космического аппарата между двумя орбитами разной высоты вокруг центрального тела. Названа в честь немецкого учёного Вальтера Гомана, который в 1925 году описал её в своей книге.

⁷ **Пояс Кларка** — область космического пространства в плоскости земного экватора на высоте примерно 35 786 км над уровнем моря, где размещают геостационарные спутники. Термин появился после того, как в 1945 году писатель и учёный Артур Кларк в статье для журнала *Wireless World* подробно описал идею использования такой орбиты для глобальной спутниковой связи. Пояс Кларка считается уникальным признаком развитой цивилизации. Его наличие вокруг планеты может служить индикатором присутствия разумной жизни, так как это специфический «технический след» высокоразвитой технологической культуры.

⁸ **Геостационарная орбита (ГСО)** — круговая орбита над экватором Земли на высоте **35 786 км** над уровнем моря. Спутник на ГСО движется с угловой скоростью, равной скорости вращения Земли, поэтому для наземного наблюдателя он «висит» в одной точке неба. Именно это свойство делает орбиту ценной: антенну, однажды наведённую на такой спутник, не нужно постоянно корректировать — связь остаётся стабильной. Поэтому ГСО выбирают для телекоммуникационных и метеорологических аппаратов: она позволяет непрерывно мониторить участок поверхности или обеспечивать постоянную ретрансляцию сигнала.

тали безопасным и экономичным отогнать аппарат повыше, лишь бы он не мешал мальчикам из телекомбизнеса обслуживать Землю и зарабатывать, зарабатывать, зарабатывать. Хорошо, если хватало топлива и заряда батарей на штатную пассивацию, но многие аппараты сходили с орбиты, не дождавшись командного импульса, и редко какая корпорация спешила провести техобслуживание, предпочитая вывести новый спутник на замену.

Парковочных мест на золотой орбите было совсем немного, около пятисот, а коммерческих и того меньше, поэтому за них на аукционах шла настоящая битва, а политики изошрялись в создании барьеров для новых участников космической гонки — будь то государство или частная компания.

За свой первый космический век люди создали настоящий музей «над открытым небом» имени своей безалаберности. Различные космические агентства, преимущественно государственные, неоднократно пытались чистить орбиты вокруг ГСО, но каждый раз это больше напоминало войсковую операцию, а не уборку в доме.

Десятки тысяч спутников жили своей жизнью и честно отрабатывали манёвры уклонения при попытке взять их на буксир, искря подслеповатыми электронными мозгами. Осколки группировались в так называемых нижних точках орбиты, образуя непроходимые скопления, но и свободных элементов хватало. Если какой-нибудь метеорит разворошит этот огород, то пары дней хватит, чтобы забить все околоземные орбиты наглухо, и мы опять превратимся в собирателей, рыболовов и охотников, которые собираются на уездные ярмарки посмотреть скоморохов вместо каналов великих блогеров.

Ускорение в 4g все выдержали безропотно. Я внимательно следил за телеметрией и видел, что тяжелее всего пришлось Перчинке. Надо будет озаботиться и заказать ей гелевый скафандр. Ну если не скаф, то хотя бы ванну с джакузи. Я усмехнулся, представив, как буду запикивать питомицу в гель. Она мне такого не простит.

На выходе с Вечного кладбища мы пронеслись мимо странного образования с полкилометра в поперечнике, о котором даже в каталоге Корпуса были только масса, порядковый номер и ни слова о принадлежности. На такой заброшенной станции любой инопланетянин может прописаться, и его никогда не заметят. Наверняка никто не знает, кому какой гроб тут принадлежал. Напряжение отпускало.

После всех чудес на виражах у меня осталось всего 90 тонн ксенона. Дальше дело встало за малым — решить классическую задачку Ламберта на переход между двумя точками в пространстве за заданное время, желательно с непрерывной тягой. В уме я прикинул, что запаса топлива хватит разогнать «Ийона» до 20 км/с. Корабль двигался к следующему плато коррекции с постоянным ускорением 1,3g, и предстояло определиться с режимом полёта. Так-то мы по-любому успевали, но я повернул кресло к капитану нашей гоночной команды.

— Мастер Фриц, по итогу мы вышли напрямую к Луне и часов через двадцать восемь — тридцать будем на месте. Нормально? Укладываемся?

— Прямо совсем вечером прилетим. — Фриц качнул лысой головой из стороны в сторону, собрав блики бортовых визоров, и обернулся к Крису. — Пока то, пока сё: регистрация, аккредитация, верификация оборудования — раньше полуночи в зал тебя не пропустят. Мы в лучшем случае около восьми вечера с орбиты слезем. Придётся тебе на борту отсыпаться, а в ночь пойдёшь вирт-капсулу настраивать. Успеешь до утра?

— Мне ещё надо тестовый вылет на капсуле сделать. Настройки опять же залить, — встряла Хельга. — Утром совсем стрёмно — можно не успеть до стартов. Там часов за шесть допуск прекратят.

— *Morgenstund hat Gold im Mund*⁹, — тихо произнесла Марта и убедительно посмотрела на свою воспитанницу.

⁹ *Morgenstund hat Gold im Mund* — Немецкий аналог русской пословицы «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт». Дословно:

— В любом случае настройки мы будем заливать только после подтверждения безопасности подключения. Мне часов пять понадобится на всё про всё. Гарантированно тебя в пять утра смогу пустить. — Крис протянул руку в мою сторону. — Алса, поможешь же с установкой?

— Церемония открытия в 11:00, первые заезды на полдень поставлены. Успеем, — уверенно кивнул я, гадая, когда мне подремать перед первыми «заездами», как по старинке называли гоночные запуски.

— Хорошо. — Фриц вернулся взглядом ко мне. — Дай поточнее расчётное время прибытия.

Мы с Протеем быстро уточнили вводные, и я пробежался взглядом по полётному графику. Если сейчас дам разгон, то нас ждёт около двадцати часов свободного полёта с учётом коррекций, потом финальный рывок перед Луной за границами земного притяжения и торможение. Рывок займёт часов шесть-восемь на переменном профиле с пиком до 1,3g, а потом торможение ещё три-четыре часа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.